

Светлой памяти
аспирантов Института философии РАН 2005–2007 гг.
Петра Сергеевича Куслия
и *Андрея Анатольевича Веретенникова*
посвящается

МИР АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ*

А. Никифоров

Белый пушистый Кролик жил у одного Философа на маленьком дачном участке. Философ кормил Кролика вкусными капустными листьями, и Кролик за это любил его. Почти каждый день Философ скрывался в маленьком домике, стоявшем на краю участка, и проводил там долгие часы. Он говорил, что уходит туда «работать». Но Кролик-то подсматривал в щелочку и видел, что там Философ в оцепенении сидит на стуле, тупо глядя перед собой, и лишь иногда что-то записывает. Однажды любопытный Кролик поскакал вслед за хозяином и перескочил через порог в маленькую комнату... Но комнаты не было! А был совершенно незнакомый Кролику огромный дачный участок. Грядки, цветы, деревья – все было каким-то необычным и даже странным.

Заглянув в ближайшую лужу и увидев свое отражение, Кролик ужаснулся: белая мягкая шерстка исчезла, кожа стала гладкой и блестящей, ноги вытянулись, из пасти торчали острые клыки. Не помня себя от испуга, Кролик помчался куда глаза глядят. И тут же столкнулся с каким-то добродушным пожилым человеком.

– Привет, Гавагай! – сказал этот человек, попыхивая трубкой. – Ты что, сбесился? На людей кидаешься.

– Какой я тебе Гавагай?! – возмутился Кролик. – Я Кролик!

– Это ты в своем огороде Кролик, а для здешних аборигенов ты – Гавагай!

– Слушай, мужик, – взмолился Кролик. – Ладно, пусть я Гавагай, но скажи мне: куда я попал? И почему я вдруг говорить научился?

* Все, что сказано ниже об этом мире, автор почерпнул из диссертаций П.С. Куслия «Язык и онтологическая относительность» и А.А. Веретенникова «Философия Дэвида Льюиса: сознание и всевозможные миры».

– Ну, во-первых, я тебе не «мужик», а известный американский философ Уиллард ван Орман Куайн. Слышал про такого?

Кролик слышал, как однажды хозяин, выходя из своего домика, сказал: «Бедный Куайн! Как они его изуродовали!». В руках он держал толстую книгу, на обложке которой было написано «Слово и объект» [1]. Однако американский философ не выглядел инвалидом, и Кролик решил не говорить о том, что слышал.

– Так ты ж, небось, из другого огорода, откуда мне тебя знать!

– Я даже из другого дачного кооператива. Но ведь это я придумал называть тебя не Кроликом, а Гавагаем. А находишься ты сейчас в дачном кооперативе, в котором живут аналитические философы.

– А что такое «аналитическая философия»? Это не очень страшно? – спросил Гавагай.

– Толком никто не знает. Вернешься к себе, спроси А.Ф. Грязнова, В.С. Шрамко или Н.С. Юлину [2], – они тебе много чего порасскажут. А сейчас пойдем, покажу тебе, как мы здесь устроились. Посмотришь, может, сам поймешь, что такое аналитическая философия. Я здесь экскурсоводом подрабатываю, потому что всех знаю и все знают меня.

Дорога находилась в самом плачевном состоянии: мало того, что она была изрыта ямами, наполненными тухлой жижей, усеяна острыми камнями, так на ней еще кое-где попадались капканы парадоксов, скалившиеся ржавыми зубьями. Куайн и Гавагай осторожно пробирались вперед. Прошли мимо указателя, на котором было написано «Лингвистический поворот». Налево отходила дорожка, когда-то перегороженная двумя толстыми жердями. Но теперь жерди были сломаны и валялись в стороне.

– Куда ведет эта симпатичная дорожка? – спросил Гавагай.

– На участки логических позитивистов. Вон там, видишь, товарищество Венского кружка, подалее – Берлинское общество эмпирической философии и Львовско-Варшавская школа. Они хотели ото всех отгородиться заборами, но ничего не вышло. И здесь дорогу перегородили, да я сдуру как-то сломал эти две догмы эмпиризма, так с тех пор и валяются. Но с той стороны забор остался, там участки экзистенциалистов, феноменологов и прочих болтунов. Мы их не любим и не общаемся с ними. Так, иногда плюнем в дырку или полаемся через забор.

– А что это там похожее на башню?

– Это собор Единой унифицированной науки. Позитивисты строили, особенно Отто Нейрат с Рудольфом Карнапом старались. Все искали

эмпирическое основание под этот собор, да разве на нашем болоте можно что-то прочное построить? Ничего не вышло, так и забросили строительство.

– Ой, что это? – воскликнул Гавагай, указывая на огромную бочку, от которой во все стороны отходили какие-то шланги и провода. Вокруг бочки суетился человек, тыкая в нее длинной палкой.

– Это Хилари Патнэм. Он навалил в бочку мозги и доказывает, что в бочке сидит человеческая личность [3]. Что ты, что я, что эти мозги в бочке – все одно и нет между нами разницы.

– Но ведь воняет ужасно!

– Конечно, мозги давно протухли. Он варит их уже лет тридцать, а то и больше.

Вдруг поднялся ветер, зашумели деревья, и над путниками медленно пролетела огромная белая лошадь, тяжело взмахивая стометровыми крыльями.

– Это Пегас летает, – ответил Куайн на вопрос, отразившийся на морде Гавагай. – Не сидится ему на Парнасе. Давай отойдем в сторонку, а то как бы он на нас не нагадил.

– Но ведь Пегас не существует! – возмущенно воскликнул Гавагай.

– Твое утверждение внутренне противоречиво, – добродушно ухмыльнулся Куайн, попыхивая трубкой. – Из него следует: «существует вещь, которая не существует» – явное противоречие! В нашем мире Пегас существует, потому что у нас имя «Пегас» можно подставить на место квантифицированной переменной, а этого вполне достаточно для существования. Поверь мне, Гавагайчик, ведь это я придумал критерий существования.

– Извини, Уиллард, но, по-моему, это глупость. Вот я знаю, например, что никакой Бабы-Яги нет на свете, то есть она не существует. А ты говоришь, что как только я подставлю имя «Баба-Яга» на место квантифицированной переменной, так сразу же она станет существовать.

– Попробуй!

Гавагай зажмурился и напрягся.

– Ну вот, я подставил!

– Теперь смотри!

Вдали, работая метлой, как веслом на каноэ, пролетела в ступе Баба-Яга.

– С ума сойти! – воскликнул пораженный Гавагай.

Мимо на коротеньких ножках прошмыгнуло какое-то существо с мордочкой ежика, но совершенно лишенное иголок.

– Постой! – крикнул Куайн. – Скажи, что ты за тварь такая?

Существо остановилось, обернулось и грустно посмотрело на путников.

– А, Куайн, – произнесло оно. – Да ведь я – ежик. Неужели не узнаешь?

– Но где твои иголки?

– Сейчас расскажу. Давай присядем на этот валун.

Рассказ ежика

Много сотен лет мы спокойно жили в своем лесу и были довольны своей ежиной жизнью. Когда здесь стали давать дачные участки, к нам однажды пришел человек, назвался Георгом Кантором и стал объяснять, что в лесу живут не просто ежи, лягушки, бабочки, не просто растут ландыши и деревья, а все это – множества: множество ежей, множество лягушек и тому подобное. Одно множество может включаться в другое, скажем множество ландышей включается в множество цветов. Поскольку это никак не мешало нам жить, мы с удовольствием его слушали. Он был человек тихий и добрый, жил в сумасшедшем доме, а когда его выпускали оттуда, приходил к нам и рассказывал о множествах. Поэтому и говорят теперь, что теория множеств даже ежу понятна.

После него к нам стал приходиться еще один человек, которого звали Готтлоб Фреге. Он пришел к нам изучать основные законы арифметики. Видно, в школе плохо учился и на старости лет решил хотя бы арифметику освоить. Этот тоже был хороший человек, астроном, наверное. Объяснял нам, что звезда, которую мы видим на востоке, называется Утренней звездой, а та, которую мы видим на западе, называется Вечерней звездой. Но на самом деле, говорил он, это одно и то же, потому что это вообще не звезда, а планета, которая называется Венерой. Мы, конечно, удивлялись тому, что у одного объекта три имени. Но он объяснял нам, что эти три имени нужны для того, чтобы можно было отличить «Sinn» от «Bedeutung». Вот, говорит, «Утренняя звезда» – это один Sinn, а «Вечерняя звезда» – это уже другой Sinn. А вот Венера (без кавычек) – это уже будет Bedeutung [4]. Вот так мы постепенно стали разбираться в астрономии, только глупые лягушки никак не могли уразуметь, что достаточно понять Sinn выражения, чтобы сразу же узнать, какой у него Bedeutung. Ну да что с них возьмешь!

Но вот однажды заявляется к нам в лес разутюженный, как на картинке, хлюст и говорит, что он друг Готтлоба Фреге, что он английский лорд и зовут его Бертран Рассел. «Давайте, – говорит, – ребята, образуем множество всех ежеиков этого леса». – «Ладно, – отвечаем мы, – образуем, нам не трудно». – «Кто из вас тут самый сильный?» – спрашивает он. Показали мы ему на одного ежа, который был самым большим среди нас, но отличался, правда, сказочной глупостью. Тогда вынимает этот чертов Бертран из кармана большую острую бритву, отдает ее этому тупому здоровяку и говорит ему: «Будешь брить всех, и только тех ежеиков, которые не хотят бриться сами!».

Вот здесь-то мы и попались! Кто же из ежеиков хочет бриться? Без иголок нам никак нельзя. Так этот идиот стал гоняться за нами и брить одного ежика за другим. Мы – бежать кто куда. Но множество есть множество, из него не выскочишь, и он нас находил везде. Вот и меня, видите, обрил наголо. Куда я теперь? Меня любая корова языком слизнет! Ладно, обрил этот кретин всех нас и остался один с иголками. И тут-то даже он – дубина! – задумался: брить ему себя или не брить? Если он не хочет бриться, значит, согласно указанию, он должен себя побрить. Если же он хочет побриться, значит, ему нельзя этого делать.

– Ну и чем же дело кончилось? – с любопытством спросил Гавагай.

– Чем, чем... Полоснул он себя бритвой по горлу и все тут. А мы теперь бегаем бритые, как каторжники. Сволочь этот самый Рассел, садист, а еще лордом представился! И Фреге перестал ходить, – видно, этот парадоксик и ему боком вышел.

– Не горюй! – стал утешать ежика Куайн. – Ты пострадал ради науки. А Рассел потом теорию типов придумал – чтобы не было больше такого смертоубийства.

– Ну, да, он тот еще тип, – проворчал бритый ежик и побрел куда-то в сторону.

Гавагай задумался. Рассказ ежика настроил его на грустный лад. Путники прошли мимо небольшой будки, вокруг которой толпились похожие на китайцев люди. Они подавали какие-то бумажки в окошечко, а сидевшая в будке старая негритянка, посмотрев на поданную бумажку, выдавала другую бумажку.

– Чем торгует эта женщина? – спросил Гавагай своего спутника.

– Она не торгует, – ответил Куайн. – Это не киоск, а «китайская комната». Ее построил Джон Серль, чтобы душить китайцев [5]. Китайцы

задают женщине вопросы, записанные иероглифами, а она им выдает ответы, тоже записанные иероглифами. Несчастные китайцы думают, что эта негритянка знает китайский язык. А она ни черта не знает и действует по программе – как автомат по продаже сигарет.

– Но ведь они же могут просто спросить ее о чем-нибудь?

– Она прикидывается глухонемой и только мычит, когда с ней пытаются говорить.

– Послушай, ван Орман, кто вон тот странный старикашка, у которого на одной половине головы растут волосы, а другая половина – лысая, как футбольный мяч?

– Да это нынешний король Франции. Недавно ему стукнуло 100 лет. Его Бертран Рассел придумал в 1905 году [6]. У вас как раз первая революция начиналась.

– А чего это он так странно стрижется?

– Да Рассел все никак не мог решить, лыс или не лыс нынешний король Франции, вот он и остался таким – ни то, ни другое.

– Жуткое дело! Видно, этот самый Рассел действительно был садист, правильно ежик его аттестовал. Извини, Ван, но у вас тут мирок, как из фильма ужасов! Давай присядем, передохнем чуть-чуть.

– Ладно, не нервничай, – добродушно сказал Куайн, присаживаясь на камень. – Не все так страшно. Вон, видишь, вдали блестит пирамида? Это золотая гора, которую придумал Алексиус Мейнонг. Правда, красиво?

– Видно, хороший был человек.

– А еще один парень, которого называли Альфред Тарский, открыл, что снег бел.

– Так об этом любой дурак знает! Открытие, видите ли!

– Да, но не любой дурак знает, что сказать: «Предложение “снег бел” истинно» – и сказать: «снег бел» – это одно и то же. Теперь те, которые узнали об этом у Тарского, все время повторяют: «снег бел», «уголь черен», «Нью-Йорк – большой город», – и их ни за что не заставишь произнести слово «истинно». Они так и называют себя – «дефляционисты».

– Эксгибиционисты, нудисты... Ой, что это?

Откуда-то прилетела стая летучих мышей и закружилась над собеседниками, издавая членораздельные звуки:

– Гавагай, Гавагай,
Кого хочешь выбирай!
Полетим с нами в сарай,
Там у нас под крышей рай!

– Идите к черту, никуда я с вами не полечу! – раздраженно завопил Гавагай, отбиваясь от мышей.

– Это Томас Нагель их на нас напустил, – сказал Куайн. – Он все хочет понять, каково быть летучей мышью [7]. – Эй, Томас! Убери ты их от нас! Дай нам посидеть спокойно!

– Нет уж, пойдем отсюда! Я весь в мышинном помете, – сказал Гавагай и решительно встал.

Мыши внезапно исчезли. Путники побрели дальше. Вдруг Куайн остановил своего спутника.

– Давай свернем, не пойдем туда.

– А что там такое? – спросил Гавагай.

– Там поздний Витгенштейн окопался с бандой своих поклонников. К ним если попадешь – заговорят насмерть. А чуть с ним не согласишься, так этот шизоид сразу за кочергу хватается [8].

– А что, есть еще один Витгенштейн?

– Есть. Называется ранним Витгенштейном, сидит недалеко от логических позитивистов, преподает математику местным головастикам. С этим еще можно как-то разговаривать, но тоже лучше не связываться.

Путники свернули на какую-то тропинку и вскоре заметили человека с белой, как одуванчик, головой, тупо уставившегося на доску, на которой было написано: $2 + 2 = ?$

– Он что, – сумасшедший? – шепнул Гавагай Куайну.

– Не совсем, – ответил Куайн. – Это Саул Крипке, которого одно время считали гением за то, что он изобрел семантику возможных миров для модальной логики. Потом он занялся философией, и головка его ослабла. Привет, Сол!

Человек посмотрел на путников и встрепенулся.

– Кого это ты ведешь, Уиллард? – спросил он.

– Это Гавагай, – ответил Куайн.

– Для тебя Гавагай, а для меня Кролик! – взревел Крипке. – Ведь Кролик – жесткий десигнатор и во всех возможных мирах может обозначать только Кролика. Что-то ты, братец, на себя не похож, – продолжал он, – ноги как у журавля, шерсти нет...

Гавагай заметил, что философ стал посматривать на него со злобным неудовольствием, и поспешил отвлечь его:

– Сол, разве ты не знаешь, что $2 + 2 = 4$?

– Я-то знаю, Кролик ты недоделанный! А вот знаешь ли ты, что такое «+»?

– Это знак «плюс».

– Уверен ли ты, что это именно знак «плюс»? А может быть, это знак «квус»?

– Какой еще «квус»? Ты, часом, не рехнулся?

– Гы, гы, гы! А Витгенштейна–то ты не читал, дубина кроликовидная! Сейчас я тебе все объясню, сейчас я тебя приглажу своим скептическим аргументом [9]

Гавагая спас неведомо откуда появившийся человек, такой же лохматый, как и Крипке, но с сумасшедшим блеском в глазах.

– А-а-а! – заорал он издалека. – Это же двойник Кролика!

Подойдя ближе, он ласково похлопал Гавагая по лоснящемуся боку.

– Никакой это не двойник, – возразил Крипке. – Это сам Кролик.

– Нет, дорогой Сол, Кролик остался в актуальном мире, – ответил лохматый безумец. – А это его двойник в одном из возможных миров.

– Ну что в нем общего с Кроликом? Ведь он больше похож на тапира с журавлиными ногами, а не на Кролика!

– А это неважно. Согласно моей «теории двойников» если есть у Кролика и этого существа какие-то общие черты, то их можно считать двойниками. У обоих по четыре ноги, хвостики есть, по два глаза – двойники да и только!

– Так и корову можно считать двойником Кролика, и даже жирафу!

– Существуют и такие возможные миры, в которых жирафы являются двойниками Кроликов, если, конечно, нет более похожих существ, – хладнокровно ответил лохматый философ.

– В таком случае, – закричал взбешенный Крипке, – если ты встанешь на четвереньки, то тебя самого можно будет считать двойником Кролика! Если нет жестких десигнаторов, то ты – Кролик, крокодил, гиена вонючая!

– Сам ты козел! – оппоненты вцепились друг другу в бороды и покатались по траве, пинаясь ногами.

– Пойдем отсюда, – тихо позвал Куайн Гавагая. – Этот парень – Дэвид Льюис. Они вечно ссорятся с Крипке по поводу возможных миров. Вроде бы и ребята неглупые, но все-таки для философии нужны не такие мозги, как у них.

– Спасибо тебе, Уиллард, – сказал Гавагай. – Знаешь, надоело мне быть Гавагаем, хочу опять стать Кроликом. У вас тут забавно, но в нашем кооперативе спокойней. Покажи, где тут выход.

И Гавагай вернулся в актуальный мир, где опять стал Кроликом. В конце лета, когда закончился дачный сезон, его зарезали, зажарили и съели, и он уже никогда больше не посещал возможных миров.

Если в этом мире вас режут, поджаривают, пьют из вас кровь, а начальство не прибавляет зарплату, то, может быть, стоит хотя бы иногда укрываться в одном из возможных миров аналитической философии? Ведь в них можно встретить удивительные вещи!

Примечания

1. См.: *Куайн У.* Слово и объект. – М., 2000.
2. См.: *Грязнов А.Ф.* Аналитическая философия. – М., 2005; *Юлина Н.С.* Очерки по философии в США. – М., 1999.
3. См.: *Putnam H.* Reason, truth and history. – Cambridge, 1981; *Макеева Л.Б.* Философия Х.Патнэма. – М., 1996.
4. См.: *Фреге Г.* О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М., 2000.
5. См.: *Searle J.* Minds, brains and programs. – The Mind,s / Ed. by R. Hofstadter and D. Dennet. 1981.
6. См.: *Russel B.* On Denoting // Mind. – 1905. – V. 14.
7. См.: *Nagel T.* What is it like to be a bat? // Mind,s.
8. См.: *Эдмондс Д., Айдиноу Д.* Кочерга Витгенштейна. – М., 2004.
9. См.: *Крикке С.А.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – Томск, 2005; *Ладов В.А.* Проблема следования правилу: поиски прямого решения // Философия науки. – 2006. – №4 (31).

Институт философии РАН,
г. Москва